

МЕСТОРОЖДЕНИЕ УРАНА

День и ночь товарные и курьерские составы с грохотом пронеслись за окнами нашего барака. Из черной дыры тоннеля, насквозь пронзавшего сопку, неожиданно вылетал локомотив и мчался прямо на дом. Бревенчатые стены дрожали от гула сотен колес, и самодельный жестяной абажур настольной лампы трусливо дребезжал на подоконнике. Ночью каждые тридцать минут прожектор тепловоза озарял комнату ослепительно ярким светом, и угольно-черные тени от переплетов окон двигались по потолку. Когда поезд уходил в черный провал между крутыми сопками, то сигнальные огни последнего вагона еще долго горели в темноте, словно глаза неведомого чудища. Удивительно, но грохот поездов совершенно не мешал, и сон был такой же крепкий, как и под шелест дождя по брезентовой крыше палатки. Ник объяснял это нашей молодостью, но начальник признался, что грохот поездов действует на него умиротворяюще, и он специально третий год подряд снимает базу на этом полустанке.

Однажды, возвращаясь из маршрута вдоль линии железной дороги, мы с Ником встретили скорый поезд «Россия» Москва – Владивосток. Стремительно пронеслись мимо нас красивые вагоны с белыми занавесками на окнах. Когда смотришь на мчащийся поезд, то почему-то всегда хочется уехать на нем далеко-далеко, на край света.

На полустанке мы жили две недели. Шофер отпросился на выходные к себе домой в поселок, начальник камералил, мы с Ником ходили в маршруты, а Вовочка готовил. Со дня на день ожидали машину, которая вместе с шофером переходила к нам в обмен на новенький гусеничный вездеход. Наконец, приехал начальник Гранитного отряда Женя Панин. Жалко было расставаться с нашим водителем Сергеем, немного строптивым, но в целом хорошим и надежным парнем. Зато по виду шофера грузовика не трудно было догадаться, что у него есть один закадычный друг – Зеленый Змий. Но Панин заверил нас, что в тайге шофер целый месяц не брал в рот ни капли спиртного. Он расхваливал водителя, упирая на то, что тот зарекомендовал себя как большой весельчак. Как будто у нас не геологический отряд, а труппа бродячего цирка. Мы с Ником сразу прозвали шофера «Весельчак».

Как профессионал-автослесарь я тщательно осмотрел бортовой армейский грузовик и отметил его безобразное техническое состояние. Получалось, что мы меняли «новые часы на старые трусы».

С первого взгляда было ясно, что эта машина приходилась родной сестрой нашей памирской «Судороге», и я стал называть её так же.

На другой день Панин распрощался и уехал на вездеходе. Мы тоже погрузились в машину и выехали на новый объект. В тайге, в семидесяти километрах от нашей базы, располагалось небольшое месторождение урана, на котором стояла стационарная геологическая партия. Месторождение находилось в стадии предварительной разведки. Круглосуточно работали три буровые установки; мощные бульдозеры рыли глубокие канавы в ширину ножа, а полтора десятка рабочих били шурфы.

Груженная «Судорога» с воем ползла по мокрой, раскисшей от дождей грунтовой дороге. Начальник сидел в кабине, а мы втроем – в кузове. На наше счастье дожди прибили пыль, и можно было поднять брезент. Пахучий, насыщенный кедровой смолой воздух обдувал наши лица. Вовочка увидел тайгу впервые, и с его лица не сходила счастливая

глуповатая улыбка. На перевале открылся вид на бескрайние таежные просторы. День был солнечный и ветреный. Умытая дождями тайга шумела, как зеленое море. Стояла ранняя осень, и редкие желтые пряди уже мелькали в зеленых гривах могучих берез.

В лагере геологоразведочной партии несколько шатровых палаток на каркасах окружали волейбольную площадку. В палатках топили печки, и сизые дымки висели над железными трубами. Из самой большой палатки доносились слова удалой песни:

«Нас по самолетам распихали,
Сунули авансы в зубы нам,
Доброго пути не пожелали,
И отправили ко всем чертям.
В тайгу далекую,
Судьбой заброшенный,
Здесь вдалеке от бани и пивной,
Без вин, без курева,
Житья культурного,
Зачем забрал, начальник отпусти!»

Мы проехали дальше и разбили свой лагерь в трехстах метрах выше по ручью. Быстро установили две палатки, а Вовочка приготовил ужин. Вечером к нам в гости пришли начальник партии и главный геолог. Они рассказали, что формально в лагере сухой закон и предупредили, чтобы мы ни под каким видом не подвозили до города рабочих. Потому что назад они не вернуться, пока не пропьют все деньги. Любимый прием бичей – прикинуться ранеными. Выйдут такие кадры на дорогу в окровавленных бинтах и голосуют с несчастным видом. В этом случае даже останавливаться нельзя, иначе из кустов выскочат их сотоварищи, захватят машину и уедут в город пьянствовать.

Начальник достал из-за пазухи плоскую фляжку с коньяком.

– А нам по капле можно, – ухмыльнулся он и добавил всем в чай ароматный коньяк. Чай получился очень вкусный.

– А кто такие бичи? – заинтересовался Ник.

– На морском английском жаргоне бич это моряк в отставке. Так называли списанных с корабля моряков, которые болтались по портовым кабакам с целью встретить корешей и по пьянствовать, – разъяснил главный геолог. – Наши дальневосточные бичи в основном бродяги и пьяницы, но в душе у многих горит факел лихой старательской удали. Высший шик для настоящего бича это заработать много денег, а потом швырять их налево и направо, наблюдая людскую жадностью, которую все они дружно презирают.

– Разные среди них есть люди, – добавил начальник партии, – и гордецы и подлецы, и воры и лентяи, но у нас остаются такие, кто умеет работать. Пока трезвые вырабатывают по три нормы, но если им в рот попадет хоть капля спиртного, то остановиться уже не могут. У многих и документов давно никаких нет.

– А как же вы принимаете их на работу? – удивился Ник.

– Оформляю старушек из поселка, а бичи вкалывают и деньги получают, – усмехнулся начальник партии. – Однажды инспектор ко мне придрался и спрашивает: «Как это у тебя пенсионерки шурфы копают?»

А я ему отвечаю: «Сам удивляюсь. Но три нормы дают стабильно».

Первую неделю мы с Ником ходили в маршруты непосредственно на площади месторождения. Работа заключалась в документации канав и

шурфов. Шофер, оставшийся без дела, слонялся по лагерю, и сам вызвался готовить обед. Начальник ходил в маршруты в паре с Вовочкой. Но через три дня он не выдержал чрезмерной подвижности Вовочки, который носился по лесу, расставив руки, изображая идущий на таран истребитель. И Вовочка был назначен поваром.

Наконец, работа на месторождении была закончена. Ник собрал материал себе на курсовую работу. Мы стали ходить в дальние маршруты.

Южнее линии транссибирской магистрали вечной мерзлоты не было, и тайга здесь была совершенно другая, чем на севере. Гигантские кедры в два обхвата толщиной вздымались кронами под самое небо. Через густой подлесок, перевитый лианами, диким виноградом и актинидией, приходилось прорубаться большим ножом как в тропических джунглях.

После длинного тяжелого маршрута мы вышли на дорогу в двенадцати километрах от лагеря, где нас должна была ждать машина. У брода через реку искупались. Я неожиданно бросил на голую спину Ника скользкую длинную водоросль из реки, и он с испугу завизжал как ужаленный.

– Пойдем к лагерю, – предложил я, нутром чувствуя, что машины сегодня не будет

Мы не спеша двинулись по дороге. Вскоре стало ясно, что Весельчак устроил нам вечерний двенадцатикилометровый моцион. Я натер кирзачами ноги и был вынужден идти босиком. Через полчаса Ник тоже снял сапоги и вдруг высказался в том смысле, что было бы неплохо сейчас потрясти за ворот нашего шофера и проверить, крепко ли держится у него голова. Я поддержал Ника и добавил, что не менее интересно было бы узнать, сколько времени шофер сможет продержаться под водой без доступа воздуха.

Тайга, уставшая от постоянного шума, замерла в полном безветрии. Низкое солнце освещало вековые кедры, раскинувшие свои зеленые кроны в головокружительной вышине. Птицы давали хоровой концерт.

– Давай, отдохнем пять минут, – предложил Ник.

Мы разлеглись в траве под высоким кедром. Высоко в небе под самыми облаками парил ястреб.

Ник, мечтательно глядя в небо, произнес:

– Мне много ль надо?

Краюха хлеба

И капля молока,

Да это небо,

Да эти облака.

К сожалению, это сочинил не я, а Вельямир Хлебников.

Стихи были замечательные, но есть хотелось так, что рябило в глазах. Над нашими головами в ветвях появилась большая черная белка. В лапках она держала уже очищенную кедровую шишку, предназначенную для заготовки на зиму.

– Брось! – заорал я.

Ник и белка от неожиданности вздрогнули, но при этом белка выронила шишку. Пока мы с Ником её делили, белка возмущенно щёлкала, лежа животом на ветке.

– Не кипятись, – успокоил я её, – что испугал, извиняюсь.

– Надо быть добрее, – не удержался Ник от назидания, – может сорвешь нам ещё шишку?

Белка сердито фыркнула и ускакала вверх по стволу.

Кедр, под которым мы сидели, был гигантским, и шишки величиной с голову ребенка казались не больше сливы в мощной зеленой кроне. Достать их не было никакой возможности. И вдруг прямо на голову Ника свалилась большая шишка. Пока я радовался счастливому случаю, а Ник орал, схватившись за голову, рядом упала вторая шишка, а потом третья. Белка в кроне наверху отгрызала шишки и они падали вниз прямо на нас.

– У тебя сейчас такое скорбное лицо, будто тебе не ужин на голову свалился, а кирпич. У нас теперь целых три шишки, – заметил я Нику.

– Четыре, – поправил меня Ник, выдирая из волос кедровую смолу, и ощупывая шишку на своей голове.

Из густых ветвей появилась белка и, увидев, что мы делаем с её шишками, пришла в ярость. Черные бусинки ее глаз источали столько гнева, что если бы могли стрелять очередями, то мы с Ником давно превратились бы в решето.

– Что ты возмущаешься? – пристыдил я белку. – Сделала доброе дело, накормила двух голодных геологов, теперь тебе есть чем гордиться. Лучше ступай и похвастайся своей добротой перед другими белками.

На маленьком костерке мы обожгли от смолы шишки и, лузгая вкусные поджаренные орешки, поплелись домой. Пыль на дороге была еще теплая и приятно щекотала босые ноги. Я чуть не наступил на крупную гадюку, развалившуюся посередине дороги. Змея сердито зашипела и, нахально виляя хвостом, уползла в траву.

Недалеко от лагеря, несмотря на позднее время, кто-то копал шурф, и белая каолиновая глина лихо вылетала из глубокой ямы. Рабочий услышал наши шаги и, думая, что это идет начальство, знакомым голосом Саньки Хмыря заныл:

– Вот, хоть бы зарплату прибавили, а то почти задарма, как карлы, целый день под палящими лучами ломаемся!

Я заглянул в шурф и вместо приветствия спросил:

– Сьто дрюг, сирбиков на рибалку копаесь?

Санька, увидев нас, улыбнулся и протянул руку, чтобы ему помогли вылезти из шурфа. Обычно в каждой Санькиной фразе матерных слов было больше, чем обычных, но при нас он почему-то никогда не ругался.

– Жентельмены, угостите табачком бывшего майора госбезопасности.

– Вчера ты говорил, что служил на флоте? – Ник протянул рабочему пачку сигарет.

– На флоте я выполнял специальное задание командования, – не растерялся Санька. – О, здесь последняя сигарета, брать нельзя, – он решительно отстранил руку.

– Бери, у меня в лагере еще есть. И надо говорить «джентльмен», – не удержался от назидания Ник.

– Один иностранец попал в милицию за попытку проникнуть в женский туалет, – Санька глубоко затянулся табачным дымом. У него на любой случай из жизни был в запасе, по крайней мере, один анекдот.

«Вы разве не видели на дверях крупные буквы: «М» и «Ж», – спрашивает его милиционер».

«Отлично видел, – отвечает иностранец, – как я понимаю «М» – это мадам, а «Ж» – жентльмен».

Санька уселся на кучу свежерынутого грунта и, заметив, что мы босиком, небрежным движением сбросил с ног грязные разбитые башмаки без шнурков. Показавшиеся при этом носки находились на второй стадии изношенности, так что можно было (при желании) свободно подстричь

ногти на пальцах, не снимая носки. Санька пошевелил пальцами, торчащих из рваных дыр в носках. Не было сомнения, что этим носкам суждено дотянуть и до последней третьей стадии изношенности, когда можно будет снять носки, не снимая ботинок.

– Сколько времени? – поинтересовался Ник.

– Без десяти минут, – Санька мельком взглянул на часы.

– А час который? – не понял я.

– Не знаю, – честно признался Санька, – у меня уже давно нет часовой стрелки.

Санька рассказал, что днем бичи подпоили брагой нашего шофера, и тот сорвался в запойный штопор. Весельчак угнал в город машину, битком набитую работягами. Буровые станки и бульдозеры встали. Чтобы не сорвать план, на буровые пошли геологи. Начальник партии был в ярости. Он приказал новому водителю немедленно ехать в город и собрать на улицах всех пьяных, одетых в энцефалитки.

Поздно ночью вернулась машина с полным кузовом пьяных работяг, кто пел, кто храпел, кто матерился, на чем свет стоит. Разгружать их не стали. Некоторые сами дошли до своей палатки, а кто не смог – переночевал в кузове.

Нашего Весельчака среди пьяных не оказалось, и больше мы его не встречали. Вместе с машиной приехал Макс и рассказал, что по пути видел нашу «Судорогу» в кювете в пятнадцати километрах от лагеря. Пьяный Весельчак перевернул машину, не доехав до города, и дальше ушел вместе с бичами пешком. Так что сейчас наша «Судорога» находилась в пятнадцати километрах от лагеря и лежала в придорожной канаве вверх колесами.

Утром во время переключки обнаружилось, что удалось не только собрать всех работяг до единого, но еще привезли двух лишних. Водитель рассказал, что в скверике у вокзала на травке обнаружил двух мужиков в энцефалитках, находящихся в третьей стадии опьянения. На вопрос: «Вы буровики?», они ответить не смогли, но один из них кивнул головой. Оказалось, что он действительно буровик, но только работал у дорожников. А его приятель оказался водопроводчиком, получившим энцефалитку в подарок. Узнав, что их завезли в глухую тайгу за семьдесят километров от города, они страшно возмутились и стали требовать немедленного возвращения домой.

Но начальник заявил, что у машины сломался редуктор и она будет на ходу только через неделю. Он погасил ярость буровика, выдав ему на опохмелку шкалик водки. Через два часа, после уговоров начальника буровик решил остаться работать в партии. Водопроводчик предпринял смелую попытку уйти домой пешком через сопки, но водка сделала свое дело, и он тоже остался работать слесарем на буровой за приличные деньги.

Начальник партии ни за что не соглашался послать свою машину, чтобы вытащить нашу «Судорогу». Он уверял, что бичи перехватят грузовик на дороге, выкинут шофера и уедут в город. Тогда их будет уже не собрать.

Нам светило идти пешком пятнадцать километров к месту аварии. А сегодня по плану намечалась камералка, да еще у Ника – день рождения. Но начальник отправил нас троих за машиной.

Прихватив на всякий случай маршрутную палатку, мы отправились выручать нашу «Судорогу». Позабыв, что он невозмутимый ковбой, Макс всю дорогу болтал не переставая, рассказывая одну историю за другой.

«Судорога» лежала в кювете, на брезентовой крыше, беспомощно задрав сверху мощные ребристые колеса. Чтобы перевернуть грузовик нужен был

трактор. Но прежде чем отправиться на трассу за каким-нибудь тягачом, я взялся за колесо и качнул – машина на удивление легко подалась. Мы тут же навалились втроем и «Судорога», перевернувшись, оказалась на колесах. Мы даже не предполагали, что все получится так легко. Кое-где погнулись металлические дуги кузова и порвался брезент, а в целом машина оказалась исправной. Из двигателя через сапун вытекло масло, но, к счастью, в инструментальном ящике нашлась целая канистра. Я залил масло в двигатель, добавил в радиатор воды, и «Судорога» удивительно легко завелась.

Макс предложил не возвращаться сегодня в лагерь, а отпраздновать день рождения Ника на природе. У него была припасена на этот случай бутылка вина. Ник категорически отказался и вовремя. Как только погрузились, небо потемнело и разразилась сильная гроза. Дождь поливал как из ведра. Почему-то отсутствовали щетки стеклоочистителя. Бесстрашный Макс, высунувшись из маленького окошка в брезентовом кузове, на ходу шваброй протирал передо мной ветровое стекло.

Ливень кончился так же внезапно, как и начался. Завывая на пониженной передаче с двумя включенными мостами и демультипликатором, «Судорога» с трудом лезла в гору по раскисшей грязной колее. Даже здесь на перевале хребта после только что прошедшего дождя лужи были чуть ли не по пояс глубиной. Спуск открылся неожиданно. Гряды желто-зеленых сопок тянулись до самого горизонта. Сквозь просветы между синими грозowymi тучами косо падали яркие лучи солнца. Картина была настолько фантастическая, что я на минуту расслабился и забыл прожечь перед спуском подмокшие в лужах тормозные колодки. «Судорога» бесстрашно ринулась вниз по скользкой ухабистой дороге. Нажатие на тормозную педаль никакого эффекта не произвело, мокрые тормозные колодки не действовали. Попытка тормозить двигателем, провалилась в самом начале – он просто заглох, и теперь никакую скорость невозможно было включить. Завести двигатель тоже было нельзя, так как ключ зажигания вылетел из разбитого замка и валялся где-то на грязном полу машины. «Судорога» неслась вниз, как вольная птица. Двумя ногами я давил на тормозную педаль в надежде, что колодки прижгутся. Дорога становилась все хуже и хуже. Крутизна спуска увеличилась. В перспективе светила возможность быстро и красиво перевернуться. Я отчаянно крутил рулевое колесо, чудом умудряясь не вылететь с дороги.

Неожиданно, в тридцати метрах впереди машины, из кустов выскочил заяц и, петляя между ямами и лужами, помчался по дороге. Макс в кузове решил, что я еду так быстро, чтобы догнать зайца, и забарабанил кулаками по крыше кабины, выкрикивая:

– Абель, давай, жми! Сейчас догоним!

«Судорога» мчалась с такой скоростью, что стала догонять зайца. Макс вопил от восторга погони, не подозревая, что смерть уже поплевала на свои костлявые руки, взяла зазубренную косу и замахнулась ею над нашими головами. Заяц метался впереди машины перед самым бампером. Макс не выдержал и стал в азарте стрелять из нагана по убегающему зайцу. Пули не попадали даже в дорогу, так Ник в момент выстрела специально подталкивал стрелка под локоть, чтобы тот промахнулся.

Я отчаянно крутил баранку и соображал, как бы так свернуть с дороги, чтобы машина не перевернулась. Наконец справа показался отлогий взгорок, и я направил грузовик в мелкий лес. С хрустом упали под колесами

молодые деревца, передний мост два раза ударился о пни, скорость резко упала, нос «Судороги» задрался вверх и мы благополучно остановились.

– Абель, ты слабак! – презрительно крикнул мне из кузова Макс. – Мы же его почти догнали!

Руки у меня не дрожали, но спички ломались. Я с трудом прикурил сигарету и не стал рассказывать про отказавшие тормоза.

К вечеру мы благополучно добрались до лагеря. Стали готовиться к празднованию дня рождения Ника. Я подарил имениннику большую деревянную ложку, вырезанную мной из березового полена. Макс поставил на стол бутылку красного сухого вина. Вовочка готовил праздничный обед и одновременно сдавал мне очередной зачет по вторым блюдам. Из-за малого количества спиртного мы никого на праздник специально не пригласили и томились в ожидании нашего начальника. А он в соседней палатке обсуждал с главным геологом перспективы разведки уранового месторождения:

– Каких результатов вы ожидаете от бурения? – кипятился начальник. – Что на глубине руда станет богаче?

– Да, мы считаем, что внизу, под зоной окисленных урановых руд, можно ожидать значительных запасов настурана. Скважина тридцать два бис на глубине сорока метров пересекла жилу урановой смолки в три сантиметра толщиной. А на поверхности в этой зоне одни урановые охры.

– И что, трехсантиметровая жила настурана это уже месторождение?

– Пока нет, но объем бурения у нас большой.

Нику предстояло писать курсовую работу по этому месторождению, и он внимательно слушал разговор.

Вдруг в палатке нарисовался Санька Хмырь. Он поздравил Ника с днем рождения и подарил новорожденному другу горного хрусталя. Как он узнал о празднике, осталось загадкой.

– Что, уже закончил гнать кубы? – удивился Макс.

– С этой работой всю пьянку запустил, – Санька уселся на мою раскладушку. – А где же ваш член-корреспондент? – поинтересовался он.

По его тону было ясно, что он имел в виду совсем не ученое звание нашего начальника.

– Он не член-корреспондент, а кандидат геолого-минералогических наук, – поправил Ник.

Хмырь махнул рукой, показывая, что ему наплевать на тонкости научной иерархии.

– Рудопроявление лишь вторичный признак месторождения, – горячился начальник, – а вы разбуриваете все подряд и ожидаете, что одна из гамма-аномалий на глубине превратится в месторождение.

Не обращая внимания на высоконаучную беседу, Санька провел ладонью по горлу, заросшему рыжей щетиной. Под загорелой кожей прокатился острый кадык.

– Совсем жабры пересохли, – признался он.

– Все, теперь их не унять, – вздохнул Макс, – давайте выпьем по двадцать капель, а?

– Подожди, – одернул его Ник, – дай послушать.

– Как за стол, так о работе, – Макс закурил сигару.

– А на работе о бабах! – добавил Хмырь.

– Как нефтяники находят на большой глубине крупные месторождения нефти и газа? – снова донесся возбужденный голос нашего начальника. – Они не ищут признаки нефти, а с помощью геофизики

выявляют на глубине структурную ловушку, в которой располагается месторождение, и сразу бурят глубокую скважину.

– Ну, к нам это отношения не имеет, – возразил главный геолог.

– Как раз имеет. По геофизическим данным на площади месторождения вулканические породы перекрывают кристаллический фундамент на глубине четырехсот метров. А к югу от месторождения фундамент воздымается в виде купола и находится уже на глубине двухсот метров. Вот там, на границе чехла и фундамента, в структурной ловушке и может быть запечатано среднее или даже крупное месторождение урана.

– Над куполом нет ни одного приличного рудопроявления, – возразил главный геолог, – как задавать скважину?

– Все рудные зоны, которые вы разбуриваете, возможно и связаны с куполом.

– Все рудоносные разломы погружаются вертикально.

– Разломы имеют свойство изгибаться на глубине. Смотри, на шестьдесят седьмом метре в скважине тридцать два бис жила настурана погружается уже не вертикально, а под углом шестьдесят градусов и в сторону купола, видишь?

– Ну и что? – буркнул главный геолог.

– Я тут схему набросал, скважину надо бурить прямо в центре купола.

– Геннадий Владимирович! – громко заныл Макс. – Вы идете или нет? У гостей жабры пересохли.

– Сейчас идем, – ответил начальник.

– Как же бурить дополнительные скважины, когда проект утвержден?

– Напиши дополнение к проекту в связи с новыми геофизическими данными, а я в главк направлю докладную записку.

– Геннадий Владимирович, – опять заныл Макс, – ну, сколько можно?

– Все, идем. Только карты в сейф уберу.

В палатку вошел наш начальник. Увидев Хмыря, он сразу насупился и даже не поздоровался. Мы с Ником не разделяли такой позиции. Может, Саньку не за что любить, но и обижать гостя таким заносчивым видом тоже некрасиво.

Хмырь внимательно изучил этикетку на бутылке и, обнаружив, что вино сухое, печально вздохнул, подумав про себя: «Бедные люди! Какую гадость пьют!»

– Выпьешь с нами? – задал Ник идиотский вопрос, как будто Хмырь пришел за чем-то другим. Саньку прозвали Хмырем именно за то, что он печенкой чувствовал любую пьянку и умел первым оказаться в нужное время в нужном месте. Не зря в партии его называли «мастер спирта».

Хмырь вызывающе посмотрел на начальника и тоном графа, у которого от светской жизни разыгралась мигрень, с достоинством ответил:

– Я бы выпил каплю шерри!

Начальник излишне громко кашлянул, а Ник так смутился, будто у него всегда в запасе было шерри, а вот сегодня, как назло, нет.

– Извини, – развел руками Ник.

– Тогда стакан водки, – махнул рукой Хмырь, легко соглашаясь на компромисс.

Начальник, у которого оставалось в значке немного спирта, расценил это как намек и второй раз неодобрительно кашлянул. Ник выразительно посмотрел на Макса, так как знал, что у него в рюкзаке есть в запасе бутылка водки. Макс все понял, сунул руку в рюкзак и поставил бутылку на стол. Начальник в третий раз неодобрительно кашлянул.

В палатку вошел главный геолог Василий и, подозрительно взглянув на Хмыря, спросил:

– А ты что тут делаешь?

Хмырь пожал плечами с независимым видом:

– В гостях, разве не видите?

Василий молча поставил на стол бутылку питьевого спирта и подарил Нику кожаную полевую сумку. Повидавшая на своем веку сумка была замечательная. В ней было вшито специальное отделение для нагана. Я страшно завидовал Нику и даже пожалел, что мой день рождения уже прошел.

Я произнес первый тост.

– На Кавказе говорят: «Если хочешь быть счастлив один день – напейся. Если хочешь быть счастлив одну неделю – заболей. Если хочешь быть счастлив один месяц – женись. Если хочешь быть счастлив один год – заведи любовницу. Если хочешь быть счастлив всю жизнь» – будь здоров, дорогой Ник!

– Чтоб ты Коля долго жил,

Сладко ел и сладко пил. – Неожиданно добавил Санька.

Все подняли кружки и поздравили Ника.

Не успели мы закусить, как пришли два геолога и принесли спирт и подарки. Потом еще двое, потом еще. Вскоре мы разместились у большого костра на поляне.

Ник был в ударе и так задушевно исполнял под гитару лирические песни, что главный геолог партии расцеловал его. Я спел несколько военных песен и имел грандиозный успех у бичей.

На рассвете, когда все разошлись по своим палаткам, у костра остались трое. Санька доказывал Нику, что пьянство и алкоголизм это всего лишь человеческие болезни, а жадность и подлость – человеческие пороки. Он, на полном серьезе, уговаривал Ника отправиться бичевать вместе с ним в Бодайбо, соблазняя тем, что там у него есть тепленькое местечко кочегара в котельной детского сада, где можно и ночевать. А с первой каплей податься на прииск, сломить за сезон огромные деньги и рвануть в отпуск на материк. Хмырь признался, что ему в своей жизни удалось добраться лишь до аэропорта Хабаровска, где в местном ресторане официанты «ходили на ушах», чтобы не ударить в грязь лицом перед таким щедрыми клиентом. Зато один его приятель добрался до Москвы, но там все быстро закончилось в ресторане аэропорта. Санька с наслаждением вспоминал, как расстилались перед ними льстивые и жадные до денег людишки.

Ник уважительно слушал, а Санька, ободренный вниманием, вдруг заявил: «Кто в тюрьме не сидел, тот жизни не знает!» Для того чтобы как следует узнать жизнь и стать настоящим человеком Нику надо сесть в тюрьму лет на пять.

Тактичный Ник, не желая обидеть Саньку, делал вид «что это, конечно, было бы неплохо, но...».

– Ты серьезно задумайся над словами опытного человека, – заметил я Нику, – дело говорит. Ну что тебе даст университет, диплом? А в тюрьме страдаешься по-настоящему, выйдешь на свободу без зубов, весь синий от татуировок, дочь уже большая, воспитывать не надо! И сразу в Бодайбо, к Саньке в кочегарку. Здорово?

– Ладно, я пошел, – вздохнул Санька, немного обидевшись на меня. – Завтра рано вставать, кубы гнать. Давать стране уран.